

Научная статья / Article

УДК 111.83; 111:316

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2024-1-57>

**Идеология цифровизации и современный
предпринимательский университет**

Константин Геннадьевич Мальцев¹, Анна Викторовна Мальцева²

Белгородский технологический университет им. В. Г. Шухова,
Белгород, Россия,

¹maltsevaannav@mail.ru; ORCIDiD0000-0003-1398-6625

²pavic69@mail.ru; ORCIDiD0000-0002-7287-3113

Аннотация. *Философский интерес к цифровизации направлен на выявление парадигматической определенности цифровизации одновременно как феномена действительности, представленной в либеральной экономической парадигме, и как аспекта новоевропейской идеи техники, определяющей современность. Целью исследования является демонстрация единства перспективы, заданной двумя названными парадигмами, для понимания цифровизации. Таким образом, может быть поставлен вопрос об инструментах, посредством которых реальное понятие становится действительным, — современный предпринимательский университет в своей идее есть основной инструмент цифровизации. Философская герменевтика нацелена на выявление смысла; таким образом, она наиболее пригодна для решения поставленной задачи. В результате проведенного исследования установлено следующее. Во-первых, видимая связь «экономического принципа», конститутивного для либерального представления действительности в экономической парадигме, новоевропейской идеи техники как исчисления и «поставления в наличие», цифровизации, является необходимой: анализ обнаруживает тождественность существенных элементов понятий. Во-вторых, дискурс совершенства, конститутивный для предпринимательского университета, определяется в горизонте «экономического принципа» и идеи техники; современный предпринимательский университет, представленный в экономической парадигме действительности, по своей идее однороден (почти тождественен) выявленной идее цифровизации. В-третьих, идея цифровизации, представленная в единстве от «метафизических основоположений» и до политической программы, демонстрирует признаки одновременно утопии и идеологии. В-четвертых, в качестве инструмента цифровизации как коммерческая фирма, производящая товары для рынка, предпринимательский университет производит важнейшие для номенклатуры «цифровизация» товары: «техническую науку» и «человеческий капитал». Определенная философским интересом перспектива постановки вопроса о цифровизации раскрывает, таким образом,*

возможность для понятия в дополнение к исследованиям технологий цифровизации в методических границах дисциплинарно организованных наук.

Ключевые слова: цифровизация, дискурс совершенства университета, предпринимательский университет, идея техники, экономический принцип действительности, утопия

Для цитирования: Мальцев К. Г., Мальцева А. В. Идеология цифровизации и современный предпринимательский университет // Человек. Культура. Образование. 2024. № 1. С. 57–76. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2024-1-57>

The Ideology of Digitalization and the Modern Entrepreneurial University

Konstantin G. Maltsev¹, Anna V. Maltseva²

Belgorod Technological University named after V. G. Shukhov,
Belgorod, Russia,

¹maltsevaannav@mail.ru; ORCIDiD0000-0003-1398-6625

²pavic69@mail.ru; ORCIDiD0000-0002-7287-3113

Abstract. *Philosophical interest in digitalization is aimed at identifying the paradigmatic certainty of digitalization both as a phenomenon of reality presented in the liberal economic paradigm and as an aspect of the New European idea of technology defining modernity. The purpose of the study is to demonstrate the unity of the perspective set by the two named paradigms for understanding digitalization. Thus, the question can be raised about the tools by which the real concept becomes real — the modern entrepreneurial university in its idea is the main tool of digitalization. Philosophical hermeneutics is aimed at revealing the meaning; thus, it is most suitable for solving the task. As a result of the conducted research, it was established. First, the visible connection of the «economic principle», constitutive for the liberal representation of reality in the economic paradigm, the New European idea of technology as calculus and «putting into existence», digitalization, is necessary: the analysis reveals the identity of the essential elements of concepts. Second: The discourse of perfection, constitutive for an entrepreneurial university, is defined in the horizon of the «economic principle» and the idea of technology; the modern entrepreneurial university, represented in the economic paradigm of reality, is homogeneous in its idea (almost identical) to the identified idea of digitalization. Third, the idea of digitalization, presented in unity, from the «metaphysical foundations» to the political program, shows signs of utopia and ideology at the same time. Fourth: as a tool of digitalization, as a commercial company producing goods for the market, the entrepreneurial university produces the most important goods for the nomenclature of «digitalization»: «technical science» and «human capital». The perspective of posing the question of digitalization determined by philosophical interest allows, thus reveals, the possibility for the concept*

in addition to the research of digitalization technologies within the methodological boundaries of the disciplinarily organized sciences.

Keywords: *digitalization, the discourse of university excellence, entrepreneurial university, the idea of technology, the economic principle of reality, utopia*

For citation: Maltsev K. G., Maltseva A. V. The Ideology of Digitalization and the Modern Entrepreneurial University. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education*. 2024; 1: 57–76. (In Russ.) <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2024-1-57>

Введение; постановка проблемы. Цифровизация — самый модный лозунг *современности*; это теперь *политическая программа*. В данной статье мы будем доказывать, что цифровизацию можно *понять* как *существенный аспект* «утопии большого стиля»: либеральной утопии современности. В связи с лозунгом и политической программой часто пишут о необходимости охвата университета цифровизацией: о ее проникновении в структуру университета как социального института и структуру и содержание образовательного процесса; компьютеризации, объективных критериях для оценки качества научных исследований и публикационной активности отдельных преподавателей, всех структурных подразделений, университета в целом; об «управлении качеством». Перечисление можно продолжать очень долго, специалисты едва ли не каждый день выделяют новые области и аспекты в процессе цифровизации университета. Это не лишено *философского интереса*, но никак не является его *сутью*; если вслед за М. Хайдеггером мы хотим, чтобы «вопрос был поставлен», то философская перспектива совсем иная. При этом мы никоим образом не утверждаем, что «аппаратура» неважна: когда есть *желанная и достоверная цель*, когда *очевидность* не подвергается сомнению, тогда *технология* становится на первый план. Но и *достоверность*, и *очевидность* есть *область философии*.

Классический университет представлялся как *место роста знания* (наука), как место *воспитания к знанию* (образование), как *республика ученых* («совершеннолетнее и просвещенное сообщество», если следовать Канту [1; 2], принятое в качестве *образца* политического и гражданского сообщества). Всем перечисленным современный предпринимательский университет совершенства (мы объединили в одно название два: первое, предложенное Кларком [3], и второе, принадлежащее Ридингсу [4]) *не является* по своей сути. Может быть, где-то сохранились «остатки» и «пережитки»

прежнего; допустимо, что вокруг них выстраивается «охраняемое пространство», как его называет Коллини [5]; зачем — вопрос *внешний* и относящийся к публичной риторике рыночной демократии, вынужденной считаться в числе прочего и с «мнением преподавателей». Современный университет является коммерческой фирмой, производящей товары для продажи на рынке. Именно эта его суть делает предпринимательский университет не *объектом* цифровизации, но одним из основных мест, откуда она распространяется дальше, на все общество. Можно сказать и так: университет совершенства имеет своей задачей произвести особый *товар* — цифровизацию — и *продать его*. С этого предварительного, ориентирующего в вопросе утверждения мы начнем наше рассмотрение по существу.

Методология. Философский интерес нацелен на *понимание*; оно достигается только на «метафизическом уровне» (можно вообще отставить различие между пониманием и объяснением, и тогда философия будет «не нужна»). Это означает необходимость выявления *парадигматических основоположений*; в их горизонте и на их основе достигаются две вещи. Во-первых, происходит «замечательное совпадение» традиционно различаемых в традиции западной философии *реального* и *действительного* (М. Хайдеггер: реальное понятие и действительное существующее, *essential* и *existential*, если совсем кратко [6, с. 54]), различие основательно забытого в современной мысли и *совсем не без основания* (его тоже следует выявить). Во-вторых, формируется философское понятие, как его называет К. Шмитт — «метафизическое понятие» [7], пределом которого является *миф*. Таким образом, обретается *очевидность*; основоположения (можно поставить их в один ряд с аксиомами, с догмами: для каждого вида знания их характер несколько изменяется, но суть одна) *обеспечивают достоверность* последующих утверждений, в том числе тех, которые производятся «позитивными науками». М. Хайдеггер неоднократно подчеркивал, что дисциплинарная структура современной науки есть *следствие* способности философии *провести границу*, чего сами науки сделать не могут [8, с. 325–326]; науки получают свою «область», в которой обретаются их «предметы», — от философии. Связь университета и цифровизации получает *достоверность* в горизонте либеральной парадигмы современности, по существу — *экономической парадигмы*; ее основоположения выступают как горизонт понимания и задают перспективу — они должны быть *названы*.

Таким образом, цифровизация и университет представляются нами как *элементы* единого *диспозитива*. Дж. Агамбен, ссылаясь на Фуко, определяет диспозитив так: «Гетерогенный ансамбль, одинаковым образом виртуально включающий в себя все, лингвистическое и не-лингвистическое: дискурсы, институты, здания, законы, полицейские меры, философские утверждения и т. д. Сам по себе диспозитив является сетью, образующейся между этими элементами» [9, с. 15]. Диспозитив имеет *силу* определять действительность *принципиально* (имеется в виду хайдеггеровское, «изначальное» значение принципа как латинского «перевода» греческого *ἀρχή*); «тотализирующим» принципом современности является *экономический принцип*. Диспозитив выстраивается на основе *парадигмы*. Парадигмой современности является, по М. Фуко (например, [10]), *либеральная управленческая парадигма*; Дж. Агамбен указывает на то, что она есть *вариант* европейской *деятельностной парадигмы*, набирающей силу примерно с XIV века и ставшей господствующей как современная либеральная версия экономической парадигмы политического [11]. В свою очередь М. Хайдеггер определяет современность как «завершающий период нового времени — эпоху нигилизма» и констатирует, что это время господства *идеи техники* [12]. Мы утверждаем (применительно к материалу настоящего изложения можно отвлечься от деталей «совместимости» названных парадигм, от *существенного различия* задаваемых ими *перспектив* понимания и *производства действительности*), что экономический принцип и *ratio поставы* как *предоставляющего в наличие для производства перспективного расчета* — *существенно* «то же самое».

После установления этого открывается возможность формирования понятия; можно будет рассуждать о *необходимо реальном*, становящимся *действительностью*. *Философское понятие* позволяет схватить единство «того же самого» в парадигматическом горизонте *видимо различных* феноменов и объектов, для которых в *научных дисциплинах* используются различные *термины, называющие* зафиксированные в идеально-типичных научных понятиях *предметы*. В той, определяющей, степени, в какой феноменам *действительности* *придается значение*, а она сама не есть *данность*, но производится в *перспективном наброске* [13], эти значения определены парадигмой, а диспозитив *имеет силу*.

Утопия «большого стиля» есть *реальный образ* действительности, которая еще пребывает в «зародыше»; его развитие можно исказить, но *характерные черты* останутся без *существенных изменений*.

ний (еще Бердяев замечал, что утопии *всегда осуществляются*, но «итоговый продукт» редко узнается). Любая парадигма представления действительности, предполагающая «развитие» и главное — рациональную деятельность, должна озаботиться «своей утопией», демонстрирующей *цель* такой деятельности, даже в том случае, если такое представление принципиально вне-исторично («конец истории» Ф. Фукуямы [14] — точная формула либерального представления действительности в экономической парадигме). Идеология «мотивирует» «участников процесса», делает общую цель *личной*. При философской постановке вопроса цифровизация представляется одновременно как утопия и как идеология.

Таким образом, формально метод можно определить как *философскую герменевтику* и *дедукцию* (всякая теория в строгом смысле есть дедукция: Э. Гуссерль [15]).

Современность. Идея о том, что цифровизация характеризует современность и, таким образом, должна пониматься через нее, совсем не является новой. Первым «цифру» и «завершающий период нового времени» (он же — «эпоха нигилизма») с необходимостью связал М. Хайдеггер. Он же первым «поставил вопрос о цифровизации»: «В какой вид опьянения растущая мания цифр (Zahlen-Rausch) выродится в конечном счете?» [16, с. 284]. Тематизация проблемы настоящей статьи позволяет исключить выяснение того, чем, по Хайдеггеру, является цифровизация как феномен современности (подробно об этом мы пишем в статье [17]); перед нами стоит другая задача: определение *горизонта*, в котором цифровизация только приобретает *смысл*. Здесь первостепенное значение имеет *идея техники* в связи с ее определяющим для современности значением. Далее демонстрация того, что *социальное*, представленное определенным (следует определить, каким именно) образом, *изначально* есть именно *техническое* по своей сути (Хайдеггер пишет о принципиальном единстве техники и историографии: двух способов представленности современности в двух аспектах [16, с. 82]); специально следует акцентировать внимание на *техническом* характере того, что называется *культурой*. Наконец, идея техники определяет суть новоевропейского субъекта; современность выявила эту его сущностную определенность и дала место для того, чтобы она «развернулась». Это придаст достоверность нашему утверждению: цифровизация не *случайна*, она не *придумана* и не *изобретена* — цифровизация *изначально* является *определением* современности в ее «парадигмальной представленности».

Если опустить все бесчисленные *акциденции*, которые в последнее время были приписаны цифровизации, и акцентироваться только на ее *дифференции*, то почти очевидно: она есть именно *тотальная и универсальная рассчитываемость* и посредством этого *предоставление в распоряжение* — то есть ее «сущностное определение» *тождественно* понятию техники. Хайдеггер связывает расчет с тем, что называется *ratio*, особое (латинское) понимание разума как способности овладения, захвата: «Исчислять — в широком сущностном смысле — значит брать что-либо в расчет, принимать в рассмотрение, рассчитывать на что-либо, т. е. ждать от него результата» [18, с. 246], унификации и универсализации: «Такой расчет, который повсюду рассчитывает на взаимоприравниваемость системных соотношений с помощью уравнений и потому заранее «считается» с единым основополагающим уравнением для любой мыслимой системы» [18, с. 246]. Техника есть «поставляющее раскрытие в наличное» [19, с. 228], т. е. расчет. Итак, первое важное заключение, которое можно сделать, это то, что «цифра» и «цифровизация» есть способ (один из возможных) *универсализации* для «предоставления в наличное», т. е. один из *аспектов* «идеи техники».

Хайдеггер утверждает, что «действительность, внутри которой движется и пытается держаться сегодняшний человек, все больше определяется тем, что называют западноевропейской наукой» [18, с. 239], современная наука «есть до жути решительная обработка действительности» [18, с. 244]. Хайдеггер *показывает*, что отношение между новоевропейской наукой и техникой *обратное*, чем принято считать: не техника основывается на науке, но совсем наоборот и гораздо «существеннее»: наука есть один из «аспектов/направлений», посредством которой идея техники овладевает действительным.

Это так не только для «мира как такового», но и специально для социального, культурного [20; 21], политического «миров». Новоевропейский субъект (о нем далее) характеризуется ближайшим образом «притязанием на представление сущего в его махинаторской не-сущности» [22; с. 115]. По Хайдеггеру, техника и историография в своем *принципе* — одно: «Я долго боролся с идеей, забрезжившей (*aufdämmernde*) в ходе моей постановки вопроса о Бытии, что техника и историография в метафизическом смысле суть одно и то же; ибо еще полагал, будто историография пустила более глубокие корни в самой истории. Но уклониться от этой мысли больше не получится... Тожесть основывается, в свою очередь, на ис-

толковании сущности как постоянного присутствия, которое представляющему — установлению (объяснению и его ясности — правильности представления как истине) излагает себя и передает» [22, с. 278]. Историографическое противопоставлено историческому, причем таким образом, что для современности совершилась «утрата истории, то есть области решений относительно бытия» [16, с. 74]: «...историография уничтожит историю, то есть... удушит то, что она одна еще позволяет считать достойным представления, удушит то притязание на принадлежность к сокрытому и единственному в истории: что история погибнет и начнется китайщина махинации и переживания, выхолащивание всего сущего и невозможное нарастание ловкости, позволяющей забыть этот процесс гибели истории» [23, с. 469]. Сущность историографического познания и «мышления» — в рассчитывании перспектив «прошлого и будущего», исходя из «интересов» современности, в расчете «пользы и вреда» [22, с. 346]; историография «есть полученная в ходе изучения констатация наличного, «настоящего»; историография постигает прошлое лишь задним числом; понимать нечто историографически означает поэтому делать его понятным как сегодняшнее и в доступности для сегодняшнего» [22, с. 120], т. е. *предоставлять в наличное, рассчитывать*. То, что сказано про культуру, имеет значение, по сути, для социального как такового: оно представлено в современности так, что идея техники и есть его суть.

Наконец, новоевропейский субъект. Хайдеггер определяет его сущность так: «Новоевропейский человек нацеливает сохранение своей сущности на то, чтобы однажды стать частью машины и на службе по обеспечению целесообразности и расчета ее работы обрести свою дающуюся без труда безопасность, свои побуждения и свою похоть. Это внедрение в машинную сущность — нечто существенно иное, чем простое использование «технических» возможностей; здесь происходит крайнее уподобление сущности человека расчетливости (*Rechenhaftigkeit*) сущего» [22, с. 416]. Подробное рассмотрение этого обстоятельства выходит за рамки стоящих перед нами задач.

Итак, современность определена идеей техники; расчет и «представление в наличие» являются сущностным определением техники и, *следовательно*, науки, культуры, также и всех обычно различаемых «областей действительности», включая самого человека. Важно определить *способ*, посредством которого названная *необходимость* становится *действительностью*. Ответом, по нашему

мнению, является то, что Фуко назвал «экономическим принципом реальности» [10], Агамбен — «экономической парадигмой политического» [24], К. Шмитт — либерализмом, понятым как «последовательная, объемлющая, метафизическая система» [25, с. 129].

Экономическая (управленческая) парадигма. Ф. Р. Анкерсмит констатирует «триумф экономики над всеми иными альтернативными основаниями политической власти» [26, с. 224] в современном представлении политического и считает это «большой удачей». Но даже у Анкерсмита речь идет не только о политическом; действительность *как таковая*, названная идеей техники, определена (как расчет) *экономически*. Это следует прокомментировать: показать, что *значит* «экономический принцип действительности».

Экономическая парадигма представления действительности *явно* проявляется в Европе с XIV века и становится *определяющей* и *господствующей* с XVIII века. Причем можно констатировать примечательное «совпадение»: романтические представления действительности как фрагментированной; историческая репрезентация политического как *перспективистская*, включающая конкуренцию между нарративами, изображенными с «разных точек зрения»; *принципиальный индивидуализм* либерального мировоззрения, не только как «методологической позиции», но именно «онтологической» — полностью восприняты новой, как ее называет Фуко, «управленческой», либеральной экономической парадигмой. Фуко пишет: «Экономический мир по своей природе непрозрачен. По своей природе он необобщаем. Он от начала до конца конституируется точками зрения, множественность которых тем более неустраима, что спонтанно поддерживается и в конечном итоге ведет к их совпадению» [27, с. 351]. Действительность новой парадигмы не только *обнаруживается*, но *конституируется* («деятельностная парадигма»: М. Фуко показывает ее *необходимость* в горизонте всей европейской метафизики) в политической экономии: «Общество как специфическая естественность совместного существования людей — именно её, по сути дела, экономисты и выявляют как особую область, как сферу объектов, как возможную область анализа, как область знаний и область возможного вмешательства» [10, с. 451]. Существенное изменение произошло к XVIII веку: если до этого «экономика была экономией как формулой управления», то после становится именно парадигмой представления действительности: «Экономика — вследствие целой серии весьма сложных

трансформаций — станет некой специфической реальностью, реальностью, находящейся в ведении управления» [10, с. 144].

Первое, что следует иметь в виду: «фундаментальное положение» новой «парадигмы» устанавливает, что «политическая техника ни в коем случае не должна отрываться от игры реальности с самой собой»; это суть того, «что принято называть либерализмом»: «Либерализм, игра: позволять людям действовать, вещам идти своим ходом, не мешать действовать, происходить и идти» [10, с. 76]. То есть управление некоторым образом должно быть производством свободы. Второе: управление больше не рассматривается как «власть над людьми и вещами» («суверенитет»), «руководство отныне осуществляется над тем, что можно было бы назвать феноменальной республикой интересов» [10, с. 67]. Третье: интересы — «это, в сущности, то, что правительство извлекает из индивидов, действий, речей, богатств, ресурсов, собственности, прав и т. п.» [10, с. 65].

Рынок становится местом, на котором оценивается и достигается равновесие интересов (которые для этого редуцируются до «рациональных, то есть материальных» (уравнивание, которое последовательно провел Д. Лал [28]), интересов как существенных и универсальных): государственный интерес теперь «находит веридикцию своего основания в рынке, а свою фактическую юрисдикцию — в полезности» [27, с. 75]. Инструментом «максимизации полезности», оцениваемой таким образом, является конкуренция; «конкуренция с ее игрой, с ее механизмами и позитивными результатами, которые признаются и ценятся, — это не явление природы, не результат естественной игры appetitов, инстинктов, поступков и т. п. ... Конкуренция — это сущность. Конкуренция — это эйдос. Конкуренция — это принцип формализации. У конкуренции своя собственная логика, своя собственная структура. Следствия выводятся только при условии, что эта логика соблюдена. Это, так сказать, формальная игра между неравенствами, а не природная игра между индивидами и поступками» [27, с. 155]. Наконец: «Мышление и стратегия конкуренции организуются, чтобы кодировать все феномены» [10, с. 383–384]. Рынок «конституировался теперь как место веридикции» [27, с. 51].

Это, как утверждает Фуко, а до него утверждал Шмитт, есть суть либерального представления действительности. Шмитт писал: «Исключительно систематическим образом либеральное мышление движется меж типических, снова и снова повторяющихся полюсов двух гетерогенных сфер, а именно этики и хозяйства, духа

и гешефта, образования и владения собственностью» [29, с. 348]. Шмитт подчеркивает, что все «либеральные понятия типическим образом колеблются между этикой («духовностью») и экономикой (гешефтом)» [29, с. 349]: «Причем понятие «правового», т. е. «частно-правового», государства служит рычагом, а понятие частной собственности — центром глобуса, полюса которого — этика и экономика — суть лишь противоположные излучения этого центра. Этический пафос и материалистически-экономическая предметность соединяются в каждом типично либеральном выражении» [29, с. 349].

Дж. Агамбен писал о «двух парадигмах» в западной метафизике, одна из которых — экономическая [24]. Нам нет нужды следовать за ним и проследивать историю сложного становления и взаимоотношения этих парадигм, достаточно констатации: экономическая парадигма стала господствующей, именно в ней представляется действительность как современность.

Разумеется, в отношении университета, представленного парадигматически, также *имеет определяющую силу* то, что названо *экономическим принципом действительности*; мы показали, что это одна из сторон/аспектов того, что Хайдеггер определял как *идею техники* [19]. По его утверждению, университет теперь — фабрика, производящая продукты, ничем принципиально не отличающиеся от продуктов других фабрик; такими продуктами традиционно являются *наука и студенты*. Что касается этой науки, то Хайдеггер считает, что наконец теперь выявилась сущность новоевропейской науки как таковой, когда «науки все больше сливаются с повседневностью и тем самым становятся одновременно неважными и полезными, как булочные и канализация» [22, с. 121]; это «технические науки», производство «применимого практически» знания, *технологии*. Производство студентов больше не связывается с идеей образования (Г. Г. Гадамер замечал, что образование не имеет иной цели, чем оно само: формирование образованного человека; такова классическая концепция образования в классическом университете [30]); университет выпускает *специалистов*, т. е. производит *человеческий капитал* [31]. Так осуществляется, кстати, мечта новоевропейского субъекта «окончательно встроиться в машину»: он встраивается в нее *без остатка* как человеческий капитал. Нам остается еще обозначить *характерные признаки* университета как фабрики по производству человеческого капитала, чтобы картина стала *ясной*.

Университет. Когда Хайдеггер в начале 30-х гг. XX века, сразу после периода своего ректорства, в записных книжках, известных как «Черные тетради» [16; 22; 23], с раздражением констатирует, что «университету приписывается множество внешних ему задач», в то время как «дело университета — воспитывать к знанию», он помимо всего прочего еще и *ироничен*. Сам Хайдеггер в это же время констатирует, что «университет умер в 1890 году» [23, с. 467], и прекрасно знает, что никаких, кроме «внешних», задач у современного университета больше нет [32]. Старый университет, как констатирует Ридингс, «находится в руинах»; на этом *месте* утверждается «нечто» принципиально новое, по инерции носящее «старое название» [33]. Для раскрытия темы, заявленной в названии, следует обратиться к трем основным аспектам *совершившегося события*. Во-первых, кратко определить, чем является и чем занимается предпринимательский университет; во-вторых, раскрыть содержание *принципа совершенства* как конститутивного для нового университета; в-третьих, представить основные элементы публичного дискурса университета в современных рыночных демократиях (удачное выражение принадлежит Коллини).

По первому пункту все ясно: университет как фабрика по производству товаров для рынка является коммерческой фирмой, рациональность которой рассчитывается по схеме «прибыль — издержки» [34]. Кларк справедливо указывает, что университет как социальный институт должен быть «высокоадаптивным» к социальной среде; таким он представлен в концепции «предпринимательского университета» [3]. Изменяются его задачи (об этом мы сказали), его структура: центральной фигурой университета вместо профессора становится *менеджер*, и по необходимости усиливается его «административное ядро» — университет должен «приспособиться к рынку».

Главное — меняется идея университета: теперь это *дискурс совершенства*, как определяет его Ридингс. Его принцип должен «максимизировать степень непрерывного внутреннего администрирования» [4, с. 191]; «обеспечение исчерпывающего учета» [4, с. 52]. Кстати, можно привести слова Хайдеггера о современности: «То, что не зафиксировано в правилах и не стоит в плане, не обладает действительностью» [22, с. 275]. Самое главное: «Совершенство напоминает денежные отношения, так как у него нет содержания, и поэтому оно не может быть ложным или истинным, безотчетным или сознательным» [4, с. 28]. Ридингс (в 1993 г., кстати) показывает связь

новой «идеи совершенства» с тем, что теперь требуется цифровизацией: «Совершенство превосходно отвечает потребностям технологического капитализма, связанным с производством и обработкой информации, поскольку позволяет осуществлять более глубокую интеграцию любых форм деятельности в рамках общего рынка, при этом допуская определенную степень гибкости и инновационности на локальном уровне» [4, с. 56–57]; дискурс совершенства «привязан к интеграции и стандартизации» [4, с. 51]. Он выдвигает требование «четких показателей эффективности университета»; предполагает универсальность «логики учета», причем «совершенство позволяет сочетать в одной шкале такие крайние гетерогенные характеристики, как финансы и состав студентов» [4, с. 47]. Усвоение университетом этого дискурса позволяет ему стать успешной фирмой: «Университет производит совершенные знания и за счет этого легко включается в круговорот капитала и транснациональной политики» [4, с. 66]. Дискурс совершенства имеет в основании рынок и определяется «логикой капитала», совершенство отдает университет «на откуп рыночному капитализму», «единственным критерием совершенства является успешная деятельность на рыночных просторах» [4, с. 66]. Образцом для университета, как совершенно серьезно утверждает, например, Салми (по заказу Всемирного банка определивший, чем является «современный университет мирового класса»), должна стать *футбольная команда*.

Наконец, Коллини предложил формулу: «публичный дискурс университета рыночных демократий». Коллини знает, что университеты являются «проблемой для популистских правительств в рыночной демократии» [5, с. 130]. Для таких правительств «только две формы оправдания, как считают правительства, допускаются их электоратом: во-первых, в планировании трудовых ресурсов, т. е. обучении будущих работников экономики, и, во-вторых, в некоторых узко понимаемых прибылях от «исследований» — прежде всего медицинских, технологических и экономических» [5, с. 130].

Но главное не то, что университет вынужден постоянно отчитываться о своей рыночной эффективности как коммерческая фирма и оправдываться за те, еще сохранившиеся «от прошлого» виды деятельности, которые предполагает университетская традиция (Иглтон в своей статье приводит в качестве примера «английскую литературу» [35], Коллини — «ассирийскую археологию» [5]). Главное то, что университет *по собственной воле* (менеджеры и «сильное управленческое ядро» обеспечивают это) принимает эти новые

«правила игры»: в действительности, в представленной в экономической парадигме, по выражению Коллинза, «все мы из социалистов становимся бухгалтерами» (изначально ими были, если согласиться с Хайдеггером в определении сути новоевропейского субъекта): «Все больше поощряется только одна манера правильного поведения: стало считаться не просто приемлемым или в некоторых случаях желательным, но и самоочевидным то, что мы должны показать, как любая финансируемая обществом деятельность «служит интересам экономики»» [5, с. 154].

Итак, мы можем делать выводы: нам нужно *с необходимостью* связать «цифровизацию» и «университет»; в результате проведенного анализа должна обнаружиться *очевидность* такой связи и приобрести *достоверность* утверждение о том, что цифровизация может быть *понята* в качестве *либеральной утопии* современности и является *идеологией*, выполняющей задачу «интернализации» либерального порядка современности как «само собой разумеющегося», одновременно «ценного» и «желанного».

Университет и цифровизация: выводы. Цифровизация, как мы доказываем, есть не что иное, как один из образов, который необходимо имеет идея техники в своем приложении к преобразованию социального; расчет, «предоставление в наличие», унификация и стандартизация, эффективность, рассчитанная как «прибыль — издержки», — необходимые *следствия* представления действительности в господствующей либеральной экономической парадигме, т. е. *современности*. Университет не просто давно «цифровизирован», по крайней мере с тех пор, как стал представляться коммерческой фирмой, производящей товары для рынка, — он производит саму цифровизацию, вернее — *товары*, с необходимостью объединенные в *номенклатуру* «цифровизация»: «техническую науку» и «человеческий капитал». Разумеется, *реальность понятия* должна *стать действительностью*: цифровизация для университета представляется как *набор технологий* для достижения этой цели: став самим собой, он должен в действительности *усвоить качества пригодного инструмента* для реализации теперь своих собственных задач.

Новоевропейский субъект *стал собой* в экономической парадигме представления современности как homo oeconomicus. Он — потребитель и производитель товаров и услуг; но он еще и *романтический субъект* (Шмитт [36]; Анкерсмит [37]), и у него есть *мечта* («окончательно встроиться в машину» [22, с. 416]), которая в со-

временности, наконец, реализуется: homo oeconomicus удобно представлять *человеческим капиталом*. Цифровизация есть, таким образом, *утопия* (образ мечты и образ современности) и идеология: как писал Анкерсмит [37], романтический субъект, *обыватель* хочет *жить удобно*, преследует свои партикулярные интересы, т. е. стремится к *успеху*, равнодушен к истине, предпочитая «организацию истины» (*компромисс*), чтобы избежать «принципиальных споров» («принципиальная беспринципность» западной либеральной представительной рыночной демократии) и «антагонистических конфликтов», — по высказыванию Хайдеггера, новоевропейский субъект *в первую очередь озабочен обеспечением безопасности* [22, с. 416]. Цифровизация дает ему *обещание* обеспечить безопасность, причем представляет это как *техническую задачу*.

Там, где поиск истины заменяется процессом организации истины, а это происходит и в университете, исчезает место для учителя, художник вытесняется на периферию и маргинализируется (романтику это «все равно»; а производители «культурных артефактов для рынка» и технического научного знания процветают), — раскрывается место и появляется новая фигура: менеджер по организации истины, со всеми необходимыми дипломами и научными регалиями, с объективными и вполне рыночными критериями оценки научных работ (наукометрия); он же организует производство в университете.

Разумеется, утопический образ, осуществляясь, как правило, «перестает узнаваться»: начинаются разговоры о «цифровом лагере», о «кризисе университета», о «бесчеловечности», но все это лишено *значения* и успешно (как правило) практически *нивелируется*.

Заключение. Предпринимательский университет совершенства (он же — инновационный университет) есть действительность; он является одним из важнейших инструментов того, что названо цифровизацией; как *инструмент* он должен совершенствоваться, чтобы быть *пригодным для надлежащего использования*; комплекс *технологий*, номенклатура которых постоянно обновляется и совершенствуется, называются «цифровизацией университета». Но перспектива, раскрывающаяся философской постановкой вопроса о цифровизации, позволяет *увидеть* и выстроить иной *горизонт понимания*: цифровизация и университет связаны *существенно*, и эта связь укоренена в современности, представленной в экономической парадигме действительности и дальше, в *идее техники* и понятии *новоговропейского субъекта* (как «последнего человека»).

Список литературы

1. Кант И. Ответ на вопрос: Что такое просвещение? // И. Кант. Соч. в 8 т. М.: Чоро, 1994. Т. 8. С. 29–38.
2. Кант И. Спор факультетов // И. Кант. Соч. в 8 т. М.: Чоро, 1994. Т. 7. С. 57–136.
3. Кларк Б. Р. Создание предпринимательских университетов: организационные направления трансформации. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2011. 240 с.
4. Ридингс Б. Университет в руинах. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2010. 299 с.
5. Коллини С. Зачем нужны университеты? М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2016. 264 с.
6. Хайдеггер М. Введение в метафизику. СПб.: НОУ — «Высшая религиозно-философская школа», 1998. 302 с.
7. Шмитт К. Политическая теология / К. Шмитт. Понятие политическое. СПб.: Наука, 2016. С. 5–59.
8. Хайдеггер М. Ницше : в 2 т. СПб.: Владимир Даль, 2006. Т. 1. 608 с.
9. Агамбен Дж. Что современно? Киев: ДУХ ІЛІТЕРА, 2012. 78 с.
10. Фуко М. Безопасность, территория, население: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году. СПб.: Наука, 2011. 544 с.
11. Агамбен Дж. Opus Dei. Археология службы. М.; СПб.: Изд-во Института Гайдара; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2022. 280 с.
12. Хайдеггер М. Ницше : в 2 т. СПб.: Владимир Даль, 2007. Т. 2. 464 с.
13. Анкерсмит Ф. Р. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков. М.: Идея-Пресс, 2003. 360 с.
14. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ: АСТ Москва: Полиграфиздат, 2010. 588 с.
15. Гуссерль Э. Логические исследования. Т. I: Прологомены к чистой логике. М.: Академический проект, 2011. 253 с.
16. Хайдеггер М. Размышления XII–XV (Черные тетради 1939–1941). М.: Изд-во Института Гайдара, 2020. 344 с.
17. Мальцев К. Г., Мальцева А. В. Цифровизация и «цифровой фетишизм»: предвидения в бытийно-историческом мышлении М. Хайдеггера // Человек. Культура. Образование. 2020. № 4 (38). С. 46–58.
18. Хайдеггер М. Наука и осмысление // М. Хайдеггер. Время и бытие : статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С. 238–253.
19. Хайдеггер М. Вопрос о технике // М. Хайдеггер. Время и бытие : статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С. 221–238.
20. Ломако Л. Л., Мальцев К. Г. «Культурные особенности»: политизация, деполитизация и глобальный порядок // Евразийский юридический журнал. 2021. № 3 (154). С. 485–490.
21. Биньковская Л. Н., Мальцев К. Г., Мальцева А. В. Политика как «управление интересами» и культура как «культурная политика» // Социально-политические науки. 2021. Т. 11. № 3. С. 119–126.

22. Хайдеггер М. Размышления VII–XI (Черные тетради 1938–1939). М.: Изд-во Института Гайдара, 2018. 528 с.
23. Хайдеггер М. Размышления II–VI (Черные тетради 1931–1938). М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. 584.
24. Агамбен Дж. Царство и слава. К теологической генеалогии экономики и управления. М.; СПб.: Изд-во Института Гайдара; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2019. 552 с.
25. Шмитт К. Духовно-историческое состояние современного парламентаризма // К. Шмитт. Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. С. 93–170.
26. Анкерсмит Ф. Р. Политическая репрезентация. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2012. 288 с.
27. Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году. СПб.: Наука, 2010. 448 с.
28. Лал Д. Похвала империи: Глобализация и порядок. М.: Новое издательство, 2010. 364 с.
29. Шмитт К. Понятие политического // К. Шмитт. Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. С. 280–408.
30. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
31. Мальцев К. Г., Мальцева А. В. «Человеческий капитал» как концепт биополитики: опыт философского истолкования // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2020. Т. 10. № 5. С. 242–252.
32. Биньковская Л. Н., Мальцев К. Г. Странная «смерть университета»: опыт философской интерпретации // Общество: философия, история, культура. 2021. № 4 (84). С. 21–26.
33. Мальцев К. Г., Мальцева А. В. История университета: опыт философской критики // Человек. Культура. Образование. 2022. № 2 (44). С. 32–54.
34. Мальцев К. Г., Мальцева А. В., Биньковская Л. Н. Идея университета и фабрика по производству человеческого капитала // Человек. Культура. Образование. 2021. № 3 (41). С. 11–27.
35. Иглтон Т. Медленная смерть университета // Совет ректоров. 2015. № 4. С. 19–26.
36. Шмитт К. Политический романтизм. М.: Праксис, 2015. 460 с.
37. Анкерсмит Ф. Р. Эстетическая политика. Политическая философия по ту сторону факта и ценности. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2014. 432 с.

References

1. Kant I. The answer to the question: What is enlightenment? Kant I. *Sochineniya v 8-mi tt.* [Essays in 8 volumes]. Moscow: Choro Publ., 1994. Vol. 8. Pp. 29–38. (In Russ.)
2. Kant I. Dispute of faculties. Kant I. *Sochineniya v 8-mi tt.* [Essays in 8 volumes]. Moscow: Choro Publ., 1994. Vol. 7. Pp. 57–136. (In Russ.)
3. Klark B. R. *Sozdanie predprinimatel'skih universitetov: organizacionnyye napravleniya transformacii* [The creation of entrepreneurial universities: organizational directions of transformation]

zational directions of transformation]. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2011. 240 p. (In Russ.)

4. Ridings B. *Universitet v ruinah* [University in Ruins]. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2010. 299 p. (In Russ.)

5. Kollini S. *Zachem nuzhny universitety?* [Why do universities need?]. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2016. 264 p. (In Russ.)

6. Hajdegger M. *Vvedenie v metafiziku*. [Introduction to Metaphysics]. St. Petersburg: «Higher Religious and Philosophical School», 1998. 302 p. (In Russ.)

7. SHmitt K. Political theology. SHmitt K. *Ponyatie politicheskogo* [The concept of the political]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2016. Pp. 5–59. (In Russ.)

8. Hajdegger M. *Nicshe : v 2-h tomah* [Nietzsche : in 2 volumes]. St. Petersburg: Vladimir Dal', 2006. Vol. 1. 608 p. (In Russ.)

9. Agamben Dzh. *CHto sovremenno?* [What is modern?]. Kiev: DUH ILITEPA, 2012. 78 p. (In Russ.)

10. Fuko M. *Bezopasnost', territoriya, naselenie. Kurs lekcij, pročitannyh v Kollezhe de Frans v 1977–1978 uchebnom godu* [Security, territory, population. A course of lectures delivered at the Collège de France in the 1977–1978 academic year]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2011. 544 p. (In Russ.)

11. Agamben Dzh. *Opus Dei. Arheologiya sluzhby* [Opus Dei. Archeology of the Service]. Moscow; St. Petersburg: Izd-vo Instituta Gajdara; Fakul'tet svobodnyh iskusstv i nauk SPbGU, 2022. 280 p. (In Russ.)

12. Hajdegger M. *Nicshe : v 2-h tomah* [Nietzsche : in 2 volumes]. St. Petersburg: Vladimir Dal', 2007. Vol. 2. 464 p. (In Russ.)

13. Ankersmit F. R. *Narrativnaya logika. Semanticheskij analiz yazyka istorikov* [Narrative logic. Semantic analysis of the language of historians]. Moscow: Ideya-Press, 2003. 360 p. (In Russ.)

14. Fukuyama F. *Konec istorii i poslednij chelovek* [The end of history and the last man]. Moscow: ACT: ACT Moscow: Poligrafizdat, 2010. 588 p. (In Russ.)

15. Gusserl' E. *Logicheskie issledovaniya. Vol. I: Prolegomena to pure logic*. Moscow: Akademicheskij Proekt, 2011. 253 p. (In Russ.)

16. Hajdegger M. *Razmyshleniya XII–XV (CHernye tetradi 1939–1941) [Reflections XII–XV (Black notebooks 1939–1941)]*. Moscow: Publishing House of the Gaidar Institute, 2020. 344 p. (In Russ.)

17. Mal'cev K. G., Mal'ceva A. V. Digitalization and «digital fetishism»: foresight in the existential-historical thinking of M. Heidegger. *CHelovek. Kul'tura. Obrazovanie* [Man. Culture. Education]. 2020. No 4 (38). Pp. 46–58. (In Russ.)

18. Hajdegger M. Science and understanding. Hajdegger M. *Vremya i bytie: Stat'i i vystupleniya* [Time and Being: Articles and speeches]. Moscow: Republic Press, 1993. Pp. 238–253. (In Russ.)

19. Hajdegger M. The question of technology. Hajdegger M. *Vremya i bytie: Stat'i i vystupleniya* [Time and Being: Articles and speeches]. Moscow: Republic Press, 1993. Pp. 221–238. (In Russ.)

20. Lomako L. L., Mal'cev K. G. «Cultural peculiarities»: politicization, depoliticization and global order. *Evrazijskij juridicheskij zhurnal* [Eurasian Legal Journal]. 2021. No 3 (154). Pp. 485–490. (In Russ.)

21. Bin'kovskaya L. N., Mal'cev K. G., Mal'ceva A. V. Politics as «management of interests» and culture as «cultural policy». *Social'no-politicheskie nauki* [Socio-political sciences]. 2021. Vol. 11. No 3. Pp. 119–126. (In Russ.)
22. Hajdegger M. *Razmyshleniya VII-XI (CHernye tetradi 1938–1939)* [Reflections VII–XI (Black notebooks 1938–1939)]. Moscow: Publishing House of the Gaidar Institute, 2018. 344 p. (In Russ.)
23. Hajdegger M. *Razmyshleniya II–VI (CHernye tetradi 1931–1938)* [Reflections II–VI (Black notebooks 1931–1938)]. Moscow: Publishing House of the Gaidar Institute, 2020. 344 p. (In Russ.)
24. Agamben Dzh. *Carstvo i slava. K teologicheskoy genealogii ekonomiki i upravleniya* [Kingdom and glory. To the Theological Genealogy of Economics and Management]. Moscow; St. Petersburg: Publishing House of the Gaidar Institute; Faculty of Liberal Arts and Sciences of St. Petersburg State University, 2019. 552 p. (In Russ.)
25. SHmitt K. The spiritual and historical state of modern parliamentarism. SHmitt K. *Ponyatie politicheskogo* [The Concept of the Political]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2016. Pp. 93–170. (In Russ.)
26. Ankersmit F. R. *Politicheskaya reprezentatsiya* [Political representation]. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2012. 288 p. (In Russ.)
27. Fuko M. *Rozhdenie biopolitiki. Kurs lekcij, pročitannyh v Kollezh de Frans v 1978–1979 uchebnom godu* [The birth of biopolitics. A course of lectures delivered at the Collège de France in the 1978–1979 academic year]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2010. 448 p. (In Russ.)
28. Lal D. *Pohvala imperii: Globalizatsiya i poryadok* [Praising the empire: Globalization and order]. Moscow: New Publishing House, 2010. 364 s. (In Russ.)
29. SHmitt K. The Concept of the Political. SHmitt K. *Ponyatie politicheskogo* [The Concept of the Political]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2016. Pp. 280–408. (In Russ.)
30. Gadamer H.-G. *Istina i metod: Osnovy filosofskoj germenевtiki* [Truth and method: Fundamentals of philosophical Hermeneutics]. Moscow: Progress Press, 1988. 704 p. (In Russ.)
31. Mal'cev K. G., Mal'ceva A. V. «Human capital» as a concept of biopolitics: the experience of philosophical interpretation. *Izvestiya YUgo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sociologiya. Menedzhment* [Proceedings of the Southwestern State University. Series: Economics. Sociology. Management]. 2020. Vol. 10. No 5. Pp. 242–252. (In Russ.)
32. Bin'kovskaya L. N., Mal'cev K. G. The strange «death of the university»: the experience of philosophical interpretation. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura* [Society: philosophy, history, culture]. 2021. No 4 (84). Pp. 21–26. (In Russ.)
33. Mal'cev K. G., Mal'ceva A. V. History of the University: experience of philosophical criticism. *CHelovek. Kul'tura. Obrazovanie* [Man. Culture. Education]. 2022. No 2 (44). Pp. 32–54. (In Russ.)
34. Mal'cev K. G., Mal'ceva A. V., Bin'kovskaya L. N. The idea of a university and a factory for the production of human capital. *CHelovek. Kul'tura. Obrazovanie* [Man. Culture. Education]. 2021. No 3 (41). Pp. 11–27. (In Russ.)

35. Iglton T. The slow death of the University. *Sovet rektorov* [Council of Rec-tors]. 2015. No 4. Pp. 19–26. (In Russ.)

36. SHmitt K. *Politicheskij romantizm* [Political Romanticism]. Moscow: Praksis Press, 2015. 460 p. (In Russ.)

37. Ankersmit F. R. *Esteticheskaya politika. Politicheskaya filosofiya po tu storonu fakta i cennosti* [Aesthetic policy. Political Philosophy beyond fact and value]. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2014. 432 p. (In Russ.)

Сведения об авторах

Мальцев Константин Геннадьевич, д-р филос. наук, профессор, проф-фессор кафедры теории и методологии науки Белгородского технологи-ческого университета им. В. Г. Шухова (308012, Россия, г. Белгород, ул. Кос-тюкова, д. 46)

Мальцева Анна Викторовна, канд. полит. наук, доцент кафедры тео-рии и методологии науки Белгородского технологического университета им. В. Г. Шухова (308012, Россия, г. Белгород, ул. Костюкова, д. 46)

Information about the authors

Konstantin G. Maltsev, Doctor of Philosophy sciences, professor, proProfessor, Department of Theory and Methodology of Science, Belgorod Technological Univer-sity named after V. G. Shukhov (46, Kostyukova St., Belgorod, 308012, Russia)

Anna V. Maltseva, Ph. D. Political Sciences, Associate Professor, Department of Theory and Methodology of Science, Belgorod Technological University named after V. G. Shukhov (46, Kostyukova St., Belgorod, 308012, Russia)

Статья поступила в редакцию / The article was submitted	04.08.2023
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing	16.10.2023
Принята к публикации / Accepted for publication	13.11.2023